

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

С. С. ШАШКОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Историческіе очерки.

Историческіе этюды.

Издание О. Н. ПОПОВОЙ.

Цѣна за два тома 4 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1898.

дѣлю и скотоводству (хотя, говоря о *сносномъ* положеніи, мы хотимъ только сказать, что они имѣютъ возможность *жить* и не вымираютъ отъ голода и другихъ убійственныхъ золъ).

Другая половина инородцевъ находится въ страшной нищетѣ, заражена губительными болѣзнями, подвержена вымиранію. Это инородцы березовскіе, нарымскіе, туруханскіе, енисейскіе, камчатскіе, охотскіе, гижигинскіе, барабинскіе, частью якутскіе, туринскіе, тобольскіе, алтайскіе. По всей вѣроятности, имъ въ непродолжительномъ времени суждено вовсе исчезнуть съ лица земли.

Судьба первыхъ рѣшена исторіей—имъ предстоитъ совершенно смѣшаться съ русскими, составить съ ними одну народность или, по крайней мѣрѣ, усвоить себѣ русскую культуру и образованность. Въ настоящей статьѣ мы вовсе не ставили своей задачей разсмотрѣніе вліянія русской культуры на этихъ инородцевъ и ихъ фізіологическаго сліянія съ русскимъ племенемъ. Для этого необходимы спеціальныя этнологическія и фізіологическія знанія, которыхъ у насъ нѣтъ.

Въ настоящей статьѣ, какъ уже видѣлъ читатель, мы занимались не тѣмъ, какъ исчезаютъ инородческія національности путемъ обрусѣнія, а только разборомъ причинъ, ведущихъ за собою полное разореніе инородческихъ племенъ и ихъ постепенное вымираніе. Односторонность нашего очерка для насъ казалось необходимою, чтобы по возможности лучше обрисовать положеніе тѣхъ инородцевъ, которымъ, можетъ быть, суждено вовсе исчезнуть съ лица земли.

Мы сомнѣваемся, чтобы положеніе этихъ дикарей могло значительно улучшиться. Это возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы виною инородческихъ бѣдствій были неудобство и тяжесть законодательства или административныхъ мѣръ. Конечно, и до Сперанскаго и послѣ его реформы, были неудобныя для инородцевъ законы, приводились въ исполненіе тягостныя для нихъ административныя мѣры, совершались чудовищныя злоупотребленія администраціи; но это было только частица зла. Мы видѣли, что инородцевъ стѣсняли и разоряли крестьяне; что ихъ обдували, давили, разоряли купцы и промышленники; что русскіе всѣхъ сословій отнимали у нихъ угодыя и имущество, спаивали ихъ водкой; что отъ русскихъ переходили къ нимъ ужасныя контагіозныя болѣзни; мы видѣли, что вся обстановка инородцевъ, весь ихъ бытъ, наконецъ, губительныя вліянія природы—все это давитъ инородцевъ. Уничтожить всѣ эти злоторныя причины въ скоромъ времени—невозможно. Главнымъ образомъ невозможно уничтожить тѣ нравственныя недостатки въ русскомъ народонаселеніи Сибири, благодаря которымъ сибирякъ такъ энергично эксплуатируетъ дикаря. Участь этихъ инородцевъ можетъ улучшиться только тогда, когда истинное образованіе и гуманная нравственность сроднятся съ сибирякомъ; безъ этихъ благодѣльныхъ факторовъ свобода—сонъ, а счастье народа—безумная мечта;

безъ нихъ сибирякъ всегда найдетъ возможность эксплуатировать инородца, какъ бы ревниво ни охранялъ законъ интересы послѣдняго и какими бы ангельскими добродѣтелями ни обладала администрація...

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНІЯ.

Завоеваяя и колонизуя Сибирь, русскіе пришли на берега Восточнаго океана. Недолго Камчатка и охотскій край были главнымъ мѣстомъ ихъ дѣйствія,—Берингъ и Чirikовъ открыли богатые морскими звѣрями острова Алеутскіе и сѣверо-западный материкъ Америки, и промышленники съ жадностью кинулись туда за добычей. Въ это время въ Восточной Сибири была какая-то манія на пушные промыслы; въ продолженіе пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ, начиная съ 1743 г. и до основанія Россійско-Американской Компаніи, извѣстно болѣе сорока компаній и отдѣльныхъ лицъ, промышлявшихъ звѣрями во вновь открытыхъ мѣстахъ. Правительство поощряло предпріятія промышленниковъ и поручало имъ покореніе туземцевъ, сборъ съ нихъ ясака и ученія изслѣдованія вновь открытыхъ острововъ. Въ высочайшихъ указахъ предписывалось сибирскимъ губернаторамъ и большерѣдской канцеляріи снабжать отпавляющихся за промысломъ пособіями отъ казны, съ отсрочкою за нихъ платежей до возвращенія судовъ изъ вояжа. Въ 1764 г. компанія Иркутскихъ купцовъ Югова и Трапезникова получила особенныя привилегіи: компаньоны были освобождены отъ службы по выборамъ, а ихъ дома отъ постоя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, компанія эта была обязана собирать ясакъ и вносить въ казну десятую часть своей добычи. Всѣ эти привилегіи и обязанности первыхъ нашихъ промышленниковъ на Восточномъ океанѣ принесли горькіе плоды. Будучи чѣмъ-то въ родѣ вольнонаемнаго войска, промышленники начали покорять, притѣснять инородцевъ, и при малѣйшемъ ихъ сопротивленіи истреблять ихъ «безъ всякаго сожалѣнія». Дѣйствуя такимъ образомъ, они, съ одной стороны, хотѣли выслужиться передъ правительствомъ, а съ другой—извлечь возможную пользу для себя изъ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Главнымъ мѣстомъ дѣйствія промышленныхъ компаній были Алеутскіе острова, населенные промышленнымъ, трудолюбивымъ и довольно развитымъ народомъ—алеутами. Они жили мирно съ русскими промышленниками до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не стали черезчуръ ужъ злоупотреблять данною имъ отъ правительства властью. Выведенные изъ терпѣнія насиліями русскихъ, упалашкинскіе и умнакскіе алеуты въ одну зиму истребили три промышленныхъ судна и стали уже неприязненно встрѣчать приплывавшихъ на ихъ острова промышленниковъ. Послѣдніе же, подъ предлогомъ покоренія алеутовъ русскому владычеству и отомщенія за смерть своихъ товарищей, внесли

зопаніи снхъ народонъ». Императрица наградила Шелихова и Голикова, а коммерцъ-коллегія сочла необходимымъ выдать имъ 200,000 р.

Злобѣнія «россійскаго Колумба», какъ величали Шелихова его льстецы и пріятели, сдѣлались извѣстны Екаторинѣ, и она грозила ему даже «соковами». Но у Шелихова были друзья и товарищи, участвовавшіе въ его выгодахъ, и его дѣла шли, какъ по маслу, а «великій» поэтъ Державинъ слагалъ хвалебныя вирши этому пройдохѣ, возведенному въ Колумбы.

Послѣ смерти Шелихова, его компанія, состоявшая теперь, кромѣ Голиковыхъ, изъ жены Шелихова, соединилась съ компаніей Мельниковыхъ подъ названіемъ: *Соединенной Американской Компаніи*. Между тѣмъ, Павелъ I какъ-то узналъ о многихъ варварскихъ поступкахъ русскихъ промышленниковъ въ новыхъ колоніяхъ. «Такія жестокости—писалъ въ 1818 г. Головинъ—возбудили гнѣвъ монарха, и онъ совсѣмъ хотѣлъ уничтожить промышленность, для имперіи и народа его ничего не значущую». Но родственники Шелихова, люди вліятельные и участвовавшіе по наслѣдству въ выгодахъ компаніи, дали дѣлу совершенно другой ходъ. Высочайшимъ манифестомъ отъ 8-го іюля 1799 года компанія «позволялось пользоваться всѣми промыслами и заведеніями по берегу Америки, такожъ на островахъ Курильскихъ, Алеутскихъ и другихъ, по Сѣверо-восточному океану лежащихъ». Въ пользу компаніи поступало все, «что на поверхности земли и въ нѣдрахъ ея доселѣ отыскано и впредь отыщется». Она получала право дѣлать открытія новыхъ земель и занимать ихъ, заводить поселенія и укрѣпленія, производить торговлю и мореплаваніе, получать вспоможеніе отъ правительства и т. д. Съ тѣмъ вмѣстѣ высочайше запрещено пользоваться сими выгодами и преимуществами «не токмо тѣмъ, кои бы сами собой мореплаваніе туда предпринять похотѣли, но и всѣмъ прежнимъ промышленникамъ». Въ 1800 году главное правленіе компаніи переведено въ Петербургъ, за десятки тысячъ верстъ отъ своихъ колоній, чтобы удобнѣе управлять ими! Между тѣмъ правительство продолжало покровительствовать и благодѣтельствовать компаніи: въ 1801 году Александръ I внесъ въ ея капиталъ 10,000 р., его примѣру послѣдовали императрица и наслѣдникъ; въ 1802 году велѣно выдать компаніи на восемь лѣтъ 250,000 руб.; въ 1803 г.—100,000; въ 1806 г. отложено на всегдашнее пособіе компаніи, по ея востребованію, 200,000 р. По истеченіи двадцатилѣтнихъ сроковъ ея привилегій, они были возобновляемы.

Что же сдѣлала компанія въ продолженіе своего слишкомъ шестидесятилѣтняго существованія? Намъ вѣтъ дѣла, что она извлекла изъ своихъ правъ и привилегій для себя; мы постараемся показать, какую пользу она принесла народу, его торговлѣ и промышленности.

Американская компанія не имѣла уже нужды «смирять алеутовъ оружейною рукою»; они не

могли еще опомниться отъ варварства прежнихъ компаній и были покорны новой. Компанія воспользовалась этимъ; она обратила алеутовъ въ полныхъ своихъ рабовъ и довела ихъ до крайней нищеты и нравственнаго отупѣнія. Можно безъ преувеличенія сказать, что отношенія южно-американскихъ плантаторовъ къ неграмъ были во многомъ мягче отношеній компаніи къ алеутамъ. Плантаторъ, по крайней мѣрѣ, цѣнилъ жизнь негра, зная, что онъ купилъ его и получаетъ отъ него доходъ; компанія же не входила въ такіе расчеты. Не смотря на то, что подъ ея владычествомъ число алеутовъ уменьшилось болѣе, чѣмъ наполовину, она вплоть до послѣдняго времени продолжала свою старую убійственную систему управленія и содержанія алеутовъ, и только передъ возобновленіемъ ея привилегій, въ 1861 г., главное правленіе подняло вопросъ объ отменѣ обязательнаго труда алеутовъ, но это такъ и осталось вопросомъ.

Всѣ алеуты отъ 15 до 50 лѣтъ обязаны были служить компаніи, и она могла требовать изъ нихъ на работы столько человекъ, сколько ей заблагоразсудится. Всѣ работы въ колоніяхъ лежали на алеутахъ; для этого ихъ перевозили съ острова на островъ, отрывали часто навсегда отъ семейства, увозили отъ родины за тысячи верстъ. Большая часть алеутовъ погибла при переѣздахъ черезъ море, въ стычкахъ съ американскими дикарями и на компанейскихъ работахъ. При первомъ занятіи Ситхи Барановъ вывезъ алеутовъ въ 1799 г. 550 *байдаръ* *), въ 1801 г. 740 байдаръ; изъ этихъ алеутовъ не возвратилось назадъ и третьей части. Для промысловъ при Барановѣ съ одного Кадьякскаго отдѣла ежегодно выѣзжало 500 байдаръ. При переѣздахъ по морю погибло множество: такъ, въ 1804 г. 20 байдаръ, въ 1809 г. байдара съ 40 алеутами, въ 1811 г. байдара съ 30 алеутами, и т. д. Компанія часто посылала алеутовъ въ такія мѣста, гдѣ имъ грозила неминуемая смерть отъ кровныхъ враговъ ихъ—американскихъ туземцевъ. Такъ, въ 1802 г. партія алеутовъ, состоявшая изъ 90 байдаръ, вся истреблена колошади. Чаше всего это случалось, когда компанія отдавала алеутовъ въ распоряженіе какого-нибудь командира иностраннаго корабля, съ тѣмъ, чтобы все промышленное алеутами раздѣлить между компаніей и иностраннымъ судномъ. Иностранцы увозили алеутовъ на берега Новаго Альбіона, въ заливъ Тринидадъ, въ Калифорнію; здѣсь алеуты тонули или были убиваемы индѣйцами. Въ 1817 г. правитель колоній посылалъ съ Кадьяка алеутовъ на промыселъ подъ распоряженіемъ капитана французскаго корабля; они не соглашались, опасаясь, что ихъ повезутъ на американскій берегъ, гдѣ уже много ихъ сродниковъ погибло отъ оружія воинственныхъ туземцевъ. Правитель колоній далъ алеутамъ честное слово, что ихъ не повезутъ на этотъ берегъ, но судно отправилось туда, и всѣ

*) Въ байдарѣ помѣщается до 50 человекъ.

почти алеуты были перебиты американцами. Когда французское судно возвратилось къ Кадьяку, то правитель начал посылать новую партію алеутовъ и послалъ бы ее на явную гибель, если бы этому не воспротивились французскіе матросы.

Кромѣ промысла бобровъ, алеуты употреблялись на разныя другія работы: на постройки, рубку лѣса, рыбную ловлю, обжиганіе кирпичей и т. д. Когда компанія начала дѣлать попытки къ разведенію хлѣбопашества, то, вмѣсто скота, въ неуклюжіе, тяжелые плуги заставляли впрягаться алеутовъ. Женщины и старики также обязаны были работать на компанію; первыя собирали ягоды, заготовляли рыбу, шили платье изъ собственныхъ матеріаловъ; это платье сдавалось въ компанейскія лавки, изъ которыхъ продавалось тѣмъ же алеутамъ. Старики обязаны отыскивать птичьи яйца, обыкновенно находящіяся въ гнѣздахъ на уступахъ скалъ. Для этого нужно спускаться съ вершины скалы на ремняхъ, которые часто перетираются объ острые камни, и промышленникъ летитъ стремглавъ въ пропасть.

Всѣ эти работы производились въ разныхъ мѣстахъ колоній, и алеуты, какъ мы уже сказали, развозились по этимъ мѣстностямъ, отрываемые отъ семьи и отъ родины. Жены, дѣти и престарѣлые родители ихъ, лишившись лучшихъ работниковъ своей семьи, принуждены были бѣдствовать, питаться древесною корой, ракушками, морской падалью, выбрасываемою на берегъ, умирать съ голода иногда цѣлыми поселеніями. Кромѣ того, это отрываніе мужей отъ женъ препятствовало дѣторожденію и деморализировало алеутовъ, сильно привязанныхъ къ своей семьѣ, къ родному очагу.

Плата алеутамъ за ихъ работы никогда не была достаточною. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ алеуты-работники получали отъ 100 до 200 р. въ годъ, но эти деньги по тамошней дороговизнѣ ничего не значатъ. Къ тому же, алеуты получали плату не деньгами, а товарами изъ компанейскихъ лавокъ, — товарами худыми и чрезвычайно дорогими. Занимающіеся бобровыми промыслами алеуты получали не годовое жалованье, а за cadaго добытаго имъ звѣря отдѣльно, по таксѣ, составленной безъ всякаго съ ихъ стороны согласія компаніей. Бобръ цѣнился прежде отъ 15 до 30 р. асс., а въ послѣднее время въ 50 р. асс.; но и эта цѣна очень низка; даже колоши, получающіе за бобра не 50, а 140 р., считаютъ эту плату неудовлетворительною. «Занятые почти постоянно или промыслами, или приготовленіемъ къ нимъ, — пишетъ г. Головинъ, — алеуты не имѣютъ времени для какихъ-нибудь другихъ занятій, изъ которыхъ могли бы извлекать свою пользу. Сравнивая количества уловленныхъ бобровъ съ числомъ взрослыхъ алеутовъ, окажется, что на cadaго промышленника не придется въ годъ и одного бобра, слѣдовательно, менѣе 50 р. асс., такъ что этой суммы, вмѣстѣ съ платою за шкуры земляныхъ звѣрей, едва будетъ достаточно на одежду и предметы первой необходимости, и ничего не останется алеуту для устройства своего быта». Не даромъ же алеуты

постоянно жаловались на слишкомъ низкую цифру задѣльной платы, постоянно просили прибавки. Женщинамъ, старикамъ и дѣтямъ плата самая ничтожная; такъ, за нѣсколько парокъ, сшитыхъ изъ собственныхъ еврашечьихъ шкуръ, компанія даряла алеуткамъ иголки для шитья, да иногда давала что-нибудь въ родѣ дрянной холщевой рубахи, а тоешамъ — папушу табаку; чаще всего ничего не давала. Послѣднее часто случалось и съ инородцами-промышленниками: служить, служить бѣдный дикарь компаніи, выслужить рублей тысячу, но не можетъ ни выручить долгу, ни вырваться изъ лапъ компаніи домой. Подобныхъ случаевъ бывало очень много. Часто промышленники заставляли инородцевъ работать на себя или на компанію не обѣщаніемъ платы, а угрозами и палкою. Нѣкоторые алеуты, извѣстные подъ именемъ *касоръ* (невольниковъ), наряжались сплошь да рядомъ на разныя работы безъ всякой платы, только получали иногда отъ компаніи дрянную одежду да никуда негодную обувь.

Содержаніе алеутовъ, работающихъ на компанію, всегда было плохое. «Возмутительно видѣть — пишетъ Лангдорфъ — этихъ полуголодныхъ, полунатощихъ людей, работающихъ, какъ арестанты, когда знаешь, что въ компанейскихъ магазинахъ есть и провизія, и одежда!» Пища алеутовъ — рыба, китовина, жиръ, часто гнилые, вредные для здоровья, да и тѣхъ недостаточно. Отправляемые на дальніе промыслы алеуты часто умирали съ голода. Хлѣба они почти и въ глаза не видывали; въ послѣднее время даже компанія пришла къ убѣжденію, что *алеутовъ вредно кормить хлѣбомъ*, по мѣстнымъ, дескать, условіямъ! Алеуты же говорятъ, что они любятъ хлѣбъ, но «просишь, просишь, — не даютъ, говорятъ, что нѣтъ; заплачешь иногда, да уйдешь домой!»

Многіе путешественники начала нынѣшняго столѣтія описываютъ видѣнные ими жилища алеутовъ, построенныя для нихъ компаніей, какъ самыя неудобныя и нездоровыя. «*Кажимы*, въ коихъ живутъ алеуты, — говоритъ Лазаревъ, — состоятъ изъ двухъ сараевъ съ разными отдѣленіями, подобными стойламъ въ конюшняхъ. Смрадъ и нечистота жилища, гдѣ помѣщается 150 алеутовъ съ ихъ женами и дѣтьми (въ лѣтнее время, по случаю промысла, число сіе увеличивается до 500), ужасають и не позволяютъ путешественнику имѣть подробнѣйшаго познанія о ихъ домашней жизни». И въ послѣднее время эти жилища нисколько не ушли отъ прежнихъ. Въ сырыхъ и темныхъ кажимахъ биткомъ набитые алеуты выдѣлываютъ шкуры и лавтаки для байдаровъ, чистятъ кишки и т. п.; все это прѣтъ, гниетъ и производитъ нестерпимую, самую возмутительную вонь. А между тѣмъ компанія въ своихъ отчетахъ постоянно говорила, что алеуты живутъ въ опрятныхъ, свѣтлыхъ и просторныхъ домахъ! Она поставила себѣ также въ заслугу, что собрала разсыпавшихъ на большія пространства алеутовъ въ нѣсколько большихъ поселеній. Но вотъ что говоритъ объ этой мѣрѣ г. Головинъ: «алеуты дѣйствительно соеди-

нены теперь въ большихъ поселеніяхъ, но иногда собиралось ихъ въ известномъ мѣстѣ слишкомъ много, такъ что трудно для всѣхъ дѣлать достаточные запасы на зиму; поэтому нѣкоторые просили, чтобы раздѣлить ихъ селенія на двѣ части, предоставляя желающимъ избрать мѣста, гдѣ есть достаточно рыбы и другихъ жизненныхъ припасовъ, необходимыхъ алеутамъ». Заботясь объ устройствѣ быта алеутовъ, компанія ухудшила даже и собственныя ихъ жилища; Резановъ запретилъ строить ихъ по старому плану, и съ тѣхъ поръ они строятся на новый ладъ. Алеуты говорятъ, что эти новыя жилища неудобнѣе и гораздо нездоровѣе прежнихъ, что низкія двери и маленькія окна не очищаютъ спертого воздуха, а это, по мнѣнію алеутовъ, не только вредитъ здоровью, но и препятствуетъ плодородію женщинъ.

Управленіе туземцами и отношенія къ нимъ русскихъ были до такой степени варварскими, что въ первой четверти настоящаго столѣтія начальникъ Охотскаго порта былъ заваленъ жалобами русскихъ промышленниковъ и алеутовъ, такъ что, по замѣчанію Головина, «ими одними наводилась величайшая начальнику тягость, и не было никакой возможности записывать всѣхъ ихъ въ книгу и отмѣчать рѣшенія, хотя бы употреблять для этого во все лѣтнее время десять человекъ писарей». Но что могъ сдѣлать съ деспотической компаніей начальникъ? При малѣйшемъ сочувствіи съ его стороны къ алеутамъ, компанія выставляла его на видъ правительства, какъ бунтовщика, подстрекателя алеутовъ къ возстанію. Такъ было, напр., въ 1814 г., по поводу прокламаціи, данной начальникомъ Охотскаго порта главному *тоёну* (старшинѣ) Алеутскихъ острововъ. Въ этой прокламаціи говорится, что командиры компанейскихъ судовъ, «приходя къ островамъ на судахъ для промысловъ звѣрей, вынуждаютъ усиленно отъ алеутовъ разную ихъ собственность, заставляютъ ихъ работать безъ всякой платы, отнимаютъ у нихъ женъ и дѣтей, утѣняютъ въ ихъ домахъ житіемъ, ругаются и распоряжаются съ ними, какъ съ рабами». Далѣе охотскій начальникъ объявляетъ, что «всѣ таковыя притѣснители будутъ судимы по законамъ и строго наказываемы по достоянію». Но все это осталось *словами* и притѣсненія не уничтожились. Компанейскіе служители грабили алеутовъ, били и сѣкли ихъ за каждую малость, а тѣлесныя наказанія до того нестерпимы для алеутовъ и американскихъ туземцевъ, что наказанные не могутъ переносить своего позора и часто избавляются отъ него самоубійствомъ. Русскіе однажды высѣкли мальчика аманата; это возмутило алеутовъ до такой степени, что они перебили всѣхъ русскихъ. Особенно страдали алеутскія жены и дочки; русскіе отнимали ихъ, дѣлали своими рабами и наложницами, приживъ съ ними дѣтей, бросали ихъ или увозили въ Сибирь.

Но, говорятъ нѣкоторые, положимъ, что алеуты и другіе инородцы американскихъ колоній много пострадали отъ русскихъ, зато отъ нихъ и просвѣтились они христіанствомъ! Отвѣчаемъ на

это, во-первыхъ, что если бы и дѣйствительно компанія просвѣтила ихъ христіанствомъ, то это нисколько не оправдываетъ ея варварства въ другихъ отношеніяхъ; а во-вторыхъ, американскіе, какъ и сибирскіе, инородцы обращены въ христіанство только формально, по виѣшности. Всѣ они крестятся или изъ расчетовъ, или по принужденію и не имѣютъ къ комиссіонерамъ ни довѣрія, ни уваженія. По справедливому замѣчанію г. Головина, всѣ они завтра же слѣзутся магметанами, если имъ прикажетъ начальство. И компанія ничуть не можетъ ставить себѣ въ заслугу свое содѣйствіе въ обращеніи инородцевъ и просвѣщеніи ихъ христіанствомъ. Вѣдь такъ просвѣтитъ, какъ просвѣщали ихъ до сихъ поръ, можно въ одну недѣлю всю Америку съ помощью нѣсколькихъ бочекъ рому и нѣсколькихъ пудовъ табаку! Первыя миссіи, кромѣ того, содѣйствовали компаніи въ угнетеніи туземцевъ. «Монахи-миссіонеры—писалъ Головинъ—отнимали у туземцевъ женщинъ, приживали съ ними дѣтей, пьянствовали постоянно, грабили алеутовъ и т. п. Такому развратному житію ихъ много способствовалъ самъ главный правитель, Барановъ». Монахъ Ювеналій не имѣлъ настолько снаровки, чтобы не вооружаться противъ народныхъ, свято чтимыхъ инородцами обычаевъ, и туземцы убили его. Эти миссіонеры до того вооружили противъ себя инородцевъ, что они гораздо послѣ просили русскихъ не присылать къ нимъ поповъ, говоря, что убьютъ перваго пріѣхавшаго къ нимъ.

Разстройство быта алеутовъ и рабская служба ихъ компаніи повели за собою эпидемію—оспу, сифилисъ, лихорадки, поносы, цыngu, простудныя болѣзни. Компанія не только не принимала должныхъ мѣръ къ прекращенію ею же причиненныхъ болѣзней, но лишила алеутовъ ихъ собственныхъ лѣкарей—шамановъ. Въ старину алеутскіе шаманы славились своими лѣкарскими познаніями; они изучали практически анатомію, употребляя для этого трупы невольниковъ. Русскіе начали преслѣдовать шамановъ, какъ колдуновъ, и скоро извели ихъ, хотя они были весьма полезны алеутомъ своимъ простымъ, но дѣйствительнымъ врачебнымъ искусствомъ. Мѣръ же къ обезпеченію здоровья алеутовъ компанія, какъ увидимъ ниже, не приняла почти никакихъ, и подъ ея владычествомъ число алеутовъ уменьшилось болѣе, чѣмъ наполовину.

Своей системой управленія компанія достигала выгодныхъ для нея результатовъ: алеуты—ея безмолвные, покорные рабы. Этотъ воинственный и энергичный нѣкогда народъ подъ компанейскимъ игомъ сдѣлался до того тупымъ и лѣнивымъ, что неспособенъ ни къ какому дѣлу безъ посторонняго побужденія. Разказываютъ, что алеутъ будетъ нѣсколько дней лежать въ своей отвратительной землянкѣ безъ куска пищи и рѣдко самъ постарается найти средства для утоленія голода; прикажутъ ему добыть пищи или принести воды—онъ безпрекословно исполнитъ это, не прикажутъ—будетъ голодовать до невозможности! Объ улучше-

ни своего быта у нихъ нѣтъ ни желаній, ни мысли. Да и естественно такое состояніе: больше столѣтія всѣми трудами алеута, его способностями, имуществомъ, семействомъ пользовались русскіе, особенно съ учрежденія компаніи. Все, что ни дѣлалъ алеуть, онъ дѣлалъ не для себя, а для компаніи; а развѣ въ природѣ человѣка заботиться о выгодахъ своего тирана - притѣснителя? Да, кромѣ того, компанія растасовала алеутовъ, какъ карты, оторвала большинство ихъ отъ семьи и родины, а самихъ ихъ обратила въ своихъ рабовъ и, лишивъ ихъ всего имущества, взяла ихъ на свое содержаніе. Компанія ограбила алеутовъ догола; алеуты не имѣютъ теперь ни байдаръ, ни звѣроловныхъ орудій; всѣмъ они снабжались отъ компаніи и поставлены были въ полную отъ нея зависимость. Когда въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ поднялись голоса, возмущавшіеся существованіемъ компанейской монополіи, то правленіе компаніи заговорило объ отмѣнѣ обязательнаго труда алеутовъ, очень хорошо понимая, что свобода труда будетъ почти вовсе бесполезна для алеутовъ при существованіи компанейской монополіи. Если бы въ Америкѣ было больше промышленниковъ или компаній, тогда бы свободный въ своихъ дѣйствіяхъ алеуть нанялся туда, гдѣ ему больше заплатятъ. При монополіи же компанія имѣла бы полную возможность не возвышать задѣльной платы, даже уменьшить ее; алеуть своими промыслами жить не можетъ, потому что онъ не имѣетъ собственныхъ снарядовъ; а если онъ что и добудетъ, то кромѣ компаніи не имѣетъ права никуда сбыть упромышленнаго имъ, а она заплатитъ ему столько, сколько захочетъ, и онъ непременно продастъ ей, потому что, въ противномъ случаѣ, пропадутъ всѣ труды его. Вотъ, напр., *кенайцы*, совершенно независимые отъ русскихъ, торговали же съ компаніей и работали на нее за недостаточную плату; они просили г. Головина объ увеличеніи таксы на шкуру и подежной платы. *Чугачи*, также независимые, работали за далеко не вознаграждающую ихъ труды плату единственно потому, какъ сами они говорятъ, что невозможно найти болѣе выгодной работы. Кромѣ того, и при мнимосвободномъ трудѣ, компанія могла силою заставлятъ алеутовъ работать на нее.

Кромѣ алеутовъ, въ американскихъ колоніяхъ живутъ еще многія другія туземныя племена—*колоши, чугачи, мѣдновцы, кивхнакцы, куско-квимцы* и т. д. Всѣ они никогда не покорялись русскимъ; одни изъ нихъ были враждебны компаніи, другіе жили мирно или, по собственному ихъ выраженію, *терпѣли русскихъ*. Выгоды торговли заставляли нѣкоторыхъ изъ нихъ даже сблизаться съ русскими; но, при всемъ томъ, они отъ глубины души ненавидѣли компанію и при первой возможности метили ей. Нѣсколько разъ они избивали русскихъ, истребляли безъ остатка ихъ поселенія. Послѣдній разгромъ Новоархангельска сдѣланъ ими въ 1855 году. Счастье еще для компаніи, что большая часть этихъ племенъ враждебны другъ другу, —

иначе, при ихъ единодушіи, никогда бы не существовать въ Америкѣ компанейскимъ поселеніямъ.

Всѣ эти туземцы ненавидѣли компанію за отнятіе у нихъ земель, за жестокое обращеніе съ ними изверга Баранова и другихъ правителей, за стѣсненіе ихъ торговли съ иностранцами. При всемъ томъ, что эти племена независимы, сосѣдство и вліяніе компаніи были гибельны для нихъ. Оспа и сифилисъ, привитые къ нимъ русскими, истребили огромное число ихъ. Сифилисъ до сихъ поръ свирѣпствуетъ между колошами, отъ которыхъ заражаются русскіе и заражаютъ, въ свою очередь, колошъ. Болѣзнь эта въ послѣднее время до того распространилась между ситхинскими колошами, что послѣдній правитель колоній, г. Фуругельмъ, велѣлъ разрушить всѣ шалаши около порта, въ которыхъ русскіе сходились съ колошенками, и построилъ особое большое помѣщеніе, гдѣ наслаждающіеся подвергнуты строгому осмотру и надзору.

Мы уже говорили, что русскіе постоянно имѣли связи съ туземками; алеуты, колоши и другіе инородцы не препятствовали этому, а старались, напротивъ, извлекать выгоды; они завели обыкновеніе отдавать русскимъ своихъ женщинъ, особенно невольницъ, въ коротомъ. Дѣти, родившіяся отъ этихъ связей, называются *креолами* и отдѣлены компаніей въ особенную касту, пользующуюся гораздо большими правами, чѣмъ инородцы. Послѣдніе относятся къ нимъ съ ненавистью, какъ къ лицамъ привилегированнымъ, а русскіе — съ пренебреженіемъ, какъ къ дѣтямъ незаконныхъ браковъ. Составивъ особую среду, они пьянствуютъ, развратничаютъ, торгуютъ своими женами и т. п.

Русскіе промышленники, служащіе въ компаніи, сначала поступали на службу *изъ половинокъ*, т. е. половина промысла шла на хозяина, а половина — на промышленниковъ; но съ 1817 г. они начали, по распоряженію правителя колоній Гагемейстера, получать вмѣсто полупаевъ жалованье, по 300 рублей асс. въ годъ. Эти промышленники поступали на компанейскую службу большею частью изъ Сибири. «Надобно знать, — писалъ Головинъ, — что компанія, нанимая промышленниковъ въ Сибирь или въ Россіи, обѣщаетъ имъ золотыя горы, а чтобъ вѣрнѣе ихъ обмануть, то ни въ какихъ ихъ требованіяхъ не отказываетъ и всѣ желанія ихъ удовлетворяетъ въ долгъ. Такимъ образомъ, по прибытіи своемъ въ Америку, они войдутъ уже въ неоплатимые долги и тогда увидятъ сѣти, въ кои попались, когда уже поздно будетъ изъ нихъ выпутаться, ибо не могутъ они оставить компанейской службы, не расплатясь съ нею, а заплатить нечѣмъ, потому что получаемой ими платы едва только на содержаніе ихъ достаетъ». Не разъ также случалось, что промышленниковъ, кончившихъ срокъ своей службы и имѣющихъ получить за нее довольно порядочныя суммы, иногда тысячи двѣ-три рублей, компанія насильно оставляла у себя и, не заплативъ имъ долгу, принуждала къ новой работѣ. Это она дѣлала нѣсколько разъ даже съ солдатами и казенными матросами.

Содержаніе ихъ было всегда гнусное. Жили они

въ сырыхъ и нездоровыхъ землянкахъ; возвращаясь домой промокшими и озябшими, они принуждены, за неимѣніемъ другого платья, ложиться въ мокромъ или же нагими. Отъ спертаго воздуха, отъ худой и однообразной пищи — китовины, жира и рыбы, отъ работы въ худой одеждѣ, подъ дождемъ, при туманѣ и вѣтрѣ, они постоянно страдали цынгою и простудою. Но и эти больные, если только въ состояніи держаться на ногахъ, должны стоять на часахъ и ходить дозоромъ. А свалится больной, тогда отнесутъ и положатъ его въ сырую и холодную казарму. Медицинской помощи вовсе не полагалось. Въ морѣ промышленники бѣдствовали еще больше отъ недостатка пищи и воды, а также и отъ вывезенныхъ съ берега болѣзней. Лѣкарей же на компанейскихъ судахъ никогда не бывало. Вотъ какъ описываетъ, напр., Крузенштернъ, положеніе видѣннаго имъ компанейскаго судна *Марія*. «Экипажа было на немъ 70 человекъ, изъ нихъ 20 больныхъ съ трудомъ помѣстились подъ палубой, 50 человекъ здоровыхъ должны были или спать на палубѣ, что по тамошнему суровому климату крайне вредно, или ложиться внизу съ больными одинъ на другого. Коекъ совсѣмъ не имѣлось; каждый ложился во всемъ своемъ платьѣ, которое показывало величайшую бѣдность. Всѣ они покрыты были рубищами и жили въ великой нечистотѣ. Мы осмотрѣли больныхъ. Цынготныя и застарѣлыя венерическія раны казались неизлѣчимыми. Мнѣ показали двѣ бочки солонины, назначенной для больныхъ; но едва открыли одну изъ нихъ, какъ вдругъ распространилось такое зловоніе, что я принужденъ былъ удалиться».

Кромѣ мужичковъ-промышленниковъ компанія имѣла у себя на службѣ солдатъ, матросовъ и разныхъ чиновниковъ. Она заключала съ весьма многими изъ этихъ лицъ контракты не ясно, потому, вопреки условіямъ, палагала на поступившихъ къ ней на службу новыя неупоминаемыя въ контрактѣ обязанности или увеличивала срокъ службы. Содержаніе почетныхъ^{*)}, разумѣется, было достаточно, но солдаты и матросы далеко не могли похвалиться тѣмъ же. Во все время пребыванія въ колоніяхъ солдаты должны были одѣваться на свой счетъ, что обходилось каждому въ годъ болѣе 200 руб., а между тѣмъ онъ получалъ отъ компаніи, по окончаніи колониальной службы, за одежду и аммуницію только 27 р. 44 к. асс. за годъ! Продовольствіе этихъ людей, какъ видно изъ отчета г. Головина, было очень плохо даже въ 1860-хъ годахъ.

Мы видѣли, что, обѣщаясь пріобрѣтать новыхъ подданныхъ Россіи, компанія вмѣсто того истребила большинство старыхъ, оставшихся изъ нихъ привела въ жалкое состояніе нищеты и нравственнаго оупцѣнія, а независимыя племена вооружила противъ себя и сдѣлала для нихъ ненавистнымъ русское имя. Торговая дѣятельность компаніи носила характеръ чуть-чуть не грабежа; она старалась извлечь изъ своихъ привилегій возможно большую выгоду, какъ можно скорѣе и

^{*)} Въ колоніяхъ существуетъ дѣленіе людей на почетныхъ, полупочетныхъ и непочетныхъ.

безъ большихъ съ своей стороны пожертвованій. При такомъ образѣ своихъ дѣйствій, компанія вовсе не заботилась о благоустройствѣ колоній. Стыдъ вѣдь сказать, что, владея шестьдесятъ лѣтъ своею территоріей, она вплоть до своей кончины рѣшительно ничего не знала о внутреннихъ мѣстностяхъ острова Ситхи и весьма мало — о внутренности американскаго материка. На Ситхѣ компаніей былъ занятъ только небольшой клочокъ земли, гдѣ стоитъ Новоархангельскъ. А во внутренности острова, говорятъ, есть превосходныя мѣста для пастбищъ. И компанія, постоянно нуждающаяся въ скотѣ, не хотѣла никогда даже осваивать эти мѣста. Для скотоводства способны также сѣверо-западные берега Америки и сосѣдніе съ ними острова. Но компанія не дѣлала никакихъ усилій для разведенія скота. Еще менѣе сдѣлала она для хлѣбопашества. «Она, — по справедливому замѣчанію г. Головина, — не находила расчета заводить хлѣбопашества, потому что это стоитъ дорого. Вотъ почему она постоянно отзывалась, что хлѣбопашество и скотоводство въ колоніяхъ невозможны, вслѣдствіе климатическихъ услевій, и не хлопотала дѣлать нужныя изслѣдованія для отысканія мѣстностей, способныхъ для новыхъ поселеній». При своихъ немногихъ попыткахъ завести поселенія, компанія имѣла въ виду образованіе не земледѣльческихъ и самостоятельно промышленныхъ колоній, а пріобрѣтеніе новыхъ рабочихъ, которыми бы она могла располагать по своему произволу и съ огромными для себя выгодами. Такъ, еще при жизни Шелихова, правительство послало въ колоніи 35 русскихъ семей, большею частію ремесленниковъ, съ тою дѣлюю, чтобы они обучали туземцевъ разнымъ ремесламъ, рукодѣльямъ, хлѣбопашеству и скотоводству. Компанія употребила этихъ колонистовъ на свои работы и промыслы, и черезъ 25 лѣтъ изъ нихъ осталось въ живыхъ только трое мужчинъ и одна женщина. Директоры компаніи около этого же времени хлопотали, чтобы имъ позволено было имѣть крѣпостныхъ людей и переселять ихъ въ колоніи, а правитель колоній Резановъ, сравнительно съ другими либеральными и гуманными, хотѣлъ селить въ колоніяхъ плѣнныхъ японцевъ и употреблять ихъ на компанейскія работы. Единственную попытку завести земледѣльческую колонию сдѣлалъ Резановъ, учредивъ въ 1812 г. на берегу Новаго Адыбюна заселеніе *Россы*, съ дѣлюю продовольствовать изъ него колонию хлѣбомъ и скотомъ. Климатъ и почва этой мѣстности благоприятны для скотоводства и земледѣлія, но компанія не умѣла повести дѣло какъ слѣдуетъ. Вмѣсто того, чтобы занять подъ пашни долины, идущія внутрь страны отъ залива Бодего, начали сѣять хлѣбъ по скатамъ прибрежныхъ горъ, гдѣ близость моря препятствуетъ успѣшному произрастанію хлѣба. Кромѣ того, компанія мало употребила средствъ для промышленнаго развитія этой колоніи. Отправивъ въ Россію 95 человекъ русскихъ и 40 байдаръ алеутовъ, она употребила послѣднихъ, вмѣсто пріученія ихъ къ земледѣлію,

на бобровые промыслы, подвергая их нападениям индейцев, а себя неприятностям от испанцев, зорко слѣдившихъ за промысломъ бобровъ въ ихъ водахъ. Ведя дѣло спустя рукава, компанія, наконецъ, рѣшилась бросить Россію и въ 1841 году эта колонія со всѣмъ заведеніемъ, была продана швейцарцу Суттеру за 30,000 піастровъ.

Въ послѣднее время въ компанейскихъ владѣніяхъ жило нѣсколько выслужившихъ свои сроки русскихъ рабочихъ, большею частью дряхлыхъ, старыхъ и больныхъ. Компанія обязана правительствомъ селить ихъ на удобныхъ мѣстахъ и содѣйствовать ихъ обзаведенію хозяйствомъ. Въ своихъ отчетахъ она прославляетъ свою материнскую попечительность о *колоніальныхъ гражданахъ*, какъ называются эти поселенцы, и объ ихъ благоденствіи. Но, во-первыхъ, мѣста для поселеній, назначаемыя самой компаніей, были негодны для хлѣбопашества и мало способны для скотоводства; во-вторыхъ, колоніальные граждане недовольны своимъ положеніемъ; они желаютъ увеличенія задѣльной платы и пенсіи имъ и отпуска за деньги изъ компанейскихъ лавокъ всего, что имъ нужно. Г. Головинъ говоритъ, что колоніальные граждане и креолы люди вообще лѣнивые и крайне апатичные ко всякому труду, что всѣ они считаютъ компанію обязанною помогать имъ и заботиться объ ихъ благосостояніи. Это, по нашему мнѣнію, весьма естественно, и тутъ не колонисты виноваты, а сама компанія. Въ теченіе 5—20 лѣтъ эти люди работали на компанію, какъ волы, а она давала имъ за это только скудное жалованье, нездоровую, плохую пищу и отвратительное помѣщеніе. Гдѣ же вознагражденіе за труды ихъ, вознагражденіе, которое бы обезпечивало ихъ существованіе? Вѣдь большинство колоніальныхъ гражданъ потеряло на службѣ свое здоровье и силы, сдѣлалось неспособнымъ снискивать себѣ своимъ трудомъ пропитаніе, и имѣетъ полное право требовать отъ компаніи достаточнаго обезпеченія. А что дѣти креоловъ и колоніальныхъ гражданъ неохотно работали на компанію, это тоже естественно: они очень хорошо знаютъ, что компанейская служба неприбыльна и тягостна: лучше же лежать дома и бѣдствовать, чѣмъ бѣдствовать и работать до истощенія, работать на общество, угнетавшее ихъ отцовъ. Работать же для себя они не могли: для хлѣбопашества и скотоводства имъ нужна помощь компаніи, а она ничтожна; бобровый промыселъ имъ не по душѣ, и они непривычны къ нему, да и все упрощенное они должны продавать компаніи по низкимъ цѣнамъ.

Не заботясь о хозяйственно-промышленномъ развитіи своихъ колоній, компанія часто подвергала ихъ голодовкѣ. Продовольствіе ихъ хлѣбомъ и мясомъ всегда основывалось на подвозѣ этихъ предметовъ изъ Калифорніи, Россіи, Сандвичевыхъ острововъ и Соединенныхъ Штатовъ. Выгоднѣе всего было бы, если бы компанія получала провизію отъ купцовъ Соединенныхъ Штатовъ, ко-

торые могли привозить ее на своихъ корабляхъ и не разъ уже снабжали жителей колоній отъ голодной смерти. Дѣло доходило иногда до того, что хлѣба давали по 1 фунту на 200 человѣкъ на недѣлю, наконецъ, принуждены были прекратить и эту выдачу; рыбы было мало, ѣли все—орловъ, воронъ, каракатицъ и т. п. Скорбуть развивался при подобныхъ несчастіяхъ съ необыкновенною силою; смертность бывала огромная. Не разъ при подобныхъ бѣдствіяхъ американскіе купцы доставляли въ колоніи провизію; но компанія всячески страдалась закрыть доступъ въ свои воды кораблямъ Соединенныхъ Штатовъ, потому что они торговали съ инородцами, и такимъ образомъ уничтожила лучшей способъ обезпеченія своихъ колоній провизіей. Провозъ хлѣба стоилъ дорого кругомъ свѣта, еще дороже черезъ Сибирь. Вывозъ хлѣба изъ Калифорніи на компанейскихъ судахъ всегда шелъ плохо, по причинѣ неразвитости компанейскаго судоходства, нерасположенія калифорнцевъ къ иностранной торговлѣ и разныхъ продѣлокъ компаніи въ калифорнійскихъ портахъ. въ родѣ контрабандной торговли. До послѣдняго времени большая часть хлѣба шла кругомъ свѣта и обходилась съ доставкою въ колоніи въ 1856 г. 9 р. 42 к. асс. пудъ, въ 1857 г. 7 р. 50 к. пудъ, въ 1860 г. 4 р. 51 к. пудъ. Между тѣмъ хлѣбъ, доставляемый изъ Калифорніи, обошелся бы несравненно дешевле, такъ какъ хлѣбопашество въ этой странѣ нынѣ въ цвѣтущемъ состояніи. Но компанія какъ-то плохо смекала даже насчетъ собственныхъ своихъ интересовъ.

Плохо продовольствуя свои колоніи, компанія мало заботилась объ ихъ благосостояніи и въ другихъ отношеніяхъ. Въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ въ ея владѣніяхъ не было ни одного лѣкаря, и жители болѣли и умирали, не пользуясь никакимъ медицинскимъ пособіемъ. Завели наконецъ больницу, но, какъ и слѣдовало ожидать, неудобную и нездоровую. Въ этомъ зданіи могло помѣщаться самое ограниченное число больныхъ, остальные должны были лежать въ своихъ сырыхъ и вонючихъ кажимахъ. Для больныхъ пищи особенной не полагалось,—ѣдятъ, дескать, юколу и китовый жиръ, а хлѣбъ и мясо нужны для стола почетныхъ! Въ послѣднее время въ колоніяхъ было двѣ больницы—новоархангельская на 40 и кадьякская на 10 кроватей. Въ нѣкоторыхъ покояхъ первой воздухъ сырой и удушливый, чистота соблюдалась плохо, аптека въ дурномъ положеніи, потому что аптекаря выписали хоть и умнаго человѣка, но пьяницу непросыпнаго. Обыкновенная пища больныхъ—супъ изъ солонины и соленой рыбы, а больные, большею частью, скорбутные и сифилистическіе! Женщинъ принимали въ больницу только сифилистическихъ, остальные лежали дома. Лѣкарей на Ситхъ двое. Въ кадьякской больницѣ не было даже и лѣкаря, а только фельдшеръ.

Управленіе въ колоніяхъ было всегда чисто деспотическое. Всѣ владѣнія компаніи дѣлились на пять отдѣловъ, и каждымъ изъ нихъ управлялъ приказчикъ. Главный правитель колоній имѣлъ не-

ограниченную власть распоряжаться всѣмъ и всѣми, чинить судъ и расправу. Судъ въ колоніяхъ хуже турецкаго: кого оправдаетъ правитель или приказчикъ, тотъ и правъ, а обвиненный однимъ ихъ словомъ—виноватъ. Неизвѣстно, былъ ли въ послѣднее время въ колоніяхъ сводъ законовъ, но извѣстно, что еще недавно его тамъ не было. Вообще судъ былъ замѣненъ въ колоніяхъ чистымъ произволомъ начальника. Эта безконтрольность властей постоянно была причиною вопіющихъ злоупотребленій—грабежа, возмутительнаго взяточничества, насилія женщинъ, наглыхъ притѣсненій и обмана служителей при расчетахъ, варварскаго обращенія съ ними. Все это не разъ подавало поводъ къ бунтамъ служащихъ въ колоніи. Особенно несносно было промышленникамъ управленіе Баранова, и они постоянно въ то время составляли заговоры. Интересенъ заговоръ, начальникомъ котораго былъ Навплаковъ, ссыльный приказный, и промышленникъ Поповъ. Со многими участниками они согласились убить Баранова и всѣхъ, кто не пристанетъ къ нимъ, забрать и погрузить на одно изъ компанейскихъ судовъ всю провизію, товары, артиллерію и военныя снаряды, казну и проч., взять съ собою женщинъ и плыть на острова Лодранскіе или Маріанскіе, гдѣ и основать свою самостоятельную колонію. Навплаковъ составилъ планъ заговора и тѣ правила, которыми они должны были руководствоваться при устройствѣ своей колоніи. Въ обезпеченіе сохраненія тайны заговорщики присягнули и приложили руки къ составленному Навплаковымъ акту. Все было готово къ возмущенію, и даже выбранъ начальникъ будущей колоніи—Поповъ, подъ именемъ хорунжаго. Но одинъ изъ участниковъ, полякъ Лещинскій, выдалъ заговорщиковъ Баранову, который пятерыхъ изъ нихъ отправилъ для суда въ Камчатку. Здѣшній комисіонеръ компаніи Хлѣбниковъ, отобравъ отъ начальника заговора {подробныя о немъ свѣдѣнія, увидѣвъ, что причиною его былъ голодъ, изнурительныя работы и разныя притѣсненія промышленниковъ. Хлѣбниковъ писалъ директорамъ компаніи, что если заговорщиковъ будутъ судить въ присутственномъ мѣстѣ, то «они могутъ открыть истину, долженствующія служить ко вреду и посяганію компаніи», и предлагалъ бросить его дѣло. «Директоры— по словамъ Головина— велѣли представить заговорщиковъ къ сужденію, предписавъ Хлѣбникову употребить все свое стараніе, чтобы направить ходъ сего дѣла къ выгодной сторонѣ для компаніи, т. е. постараться, чтобы промышленные были обвинены, а компанейскіе грѣхи прикрыты». Такъ и сдѣлано.

И послѣ всего описаннаго нами, многіе, вмѣстѣ съ г. Годовинымъ, хлопотали еще о большемъ расширеніи власти колониальнаго начальства. Зависимость его отъ главнаго правленія компаніи въ Петербургѣ была, конечно, крайне неудобна,— это почти то же, если бы Камчатку приписать къ Смоленской губерніи, а Якутскую область къ Землѣ Войска Донскаго! Но вопросъ заключался не въ зависимости колоній отъ далекаго главнаго

правленія, а въ самоуправленіи ихъ. Необходимость послѣдней мѣры сознавалъ лучший изъ правителей—Резановъ. Онъ проектировалъ *расправу промышленныхъ и американцевъ*, которая должна была состоять изъ туземцевъ и русскихъ и рѣшать дѣла по большинству голосовъ. Присылаемые въ колоніи товары, по его мнѣнію, должны были подвергаться оцѣнкѣ выборными отъ промышленниковъ. Главное правленіе, разумѣется, не обратило вниманія на проектъ Резанова, а самъ онъ скоро показалъ примѣръ, какъ стоящій вѣдѣнн контроля правитель можетъ ошибаться и самодурствовать. Онъ началъ войну съ Японіей, желая силой принудить ее къ торговлѣ съ компаніей! Онъ отправилъ противъ японскихъ поселеній на Сахалинѣ и Урупѣ два корабля, съ приказомъ взять Сахалинъ, захватить тамъ и привезть для чего-то въ Америку всѣхъ идоловъ изъ кумиренъ и одного буддійскаго попа, съечь и разорить всѣ поселенія, а изъ жителей набрать плѣнниковъ. Нѣсколько поселеній было сожжено и разграблено этой резановской экспедиціей; самъ же онъ, желая свалить свою вину на исполнителей своей воли, офицеровъ Хвостова и Давыдова, уѣхалъ черезъ Сибирь въ Россію.

Въ дѣлѣ образованія компанія кое-что сдѣлала; первая школа основана была еще Шелиховымъ; въ 1862 г. было въ Новоархангельскѣ 3 училища и въ томъ числѣ одно для дѣвочекъ, 1 училище на Уналашкѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ колоній обученіемъ дѣтей занималось духовенство, которое и само-то училось на мѣдныхъ деньги въ худшей изъ всѣхъ семинарій—якутской (бывшей новоархангельской). Изъ компанейскихъ же школъ выходили шкипера, конторщики, приказчики, матросы. Воспитанныхъ въ этихъ школахъ креоловъ компанія закабаляла къ себѣ на службу: они обязаны были служить ей за воспитаніе 15 лѣтъ. Такимъ образомъ, и дѣломъ образованія компанія воспользовалась для своихъ плантаторскихъ видовъ.

Промыслы бобровъ, морскихъ котовъ и другихъ звѣрей—были главною цѣлью и основой существованія компаніи. Не споримъ, что при прежнихъ промышленныхъ компаніяхъ звѣрямъ грозило если не совершенное истребленіе, то по крайней мѣрѣ сильное уменьшеніе ихъ. Съ полученіемъ настоящей компаніей монополіи промысловъ, они сократились, и уменьшеніе звѣрей пошло болѣе медленными шагами, чѣмъ прежде. Компанія въ видахъ собственной пользы должна была принимать мѣры къ поддержанію своихъ промысловъ, и она старалась объ этомъ, но только отчасти. Нѣсколько ужъ разъ промыслы бобровъ и морскихъ котовъ истощались отъ безрасчетнаго и совершенно безплоднаго истребленія ихъ. Однажды, напримѣръ, компанія до того много наупромыслила котовъ, что цѣны на нихъ въ Кяхтѣ чрезвычайно упали; чтобы поднять ихъ, ревизоры въ Иркутскѣ сожгли нѣсколько тысячъ котовъ подъ предлогомъ ихъ гнилости.

Кромѣ звѣринаго промысла, всѣ другіе на-

ходились въ жалкомъ положеніи и производительныя силы колоній подъ компанейскимъ владычествомъ оставались въ бездѣйствіи. Мы видѣли выше, въ какомъ состояніи были хлѣбопашество и скотоводство. Рыбный промыселъ, весьма обильный и могущій служить выгодною статью торговли, находился далеко не въ желанномъ состояніи и удовлетворялъ только мѣстнымъ потребностямъ. Обильные пласты каменнаго угля лежали безъ разработки и сбыта. Дремушіе лѣса Америки, которые могутъ быть чрезвычайно выгоднымъ предметомъ внѣшней и внутренней торговли, при апатическомъ бездѣйствіи компаніи, не удовлетворяли даже потребностей самихъ колоній. Минеральныя богатства Америки, существованіе которыхъ несомнѣнно, оставались совершенно непроизводительными.

Внутренняя торговля колоній съ инородцами постепенно падала. Причина этого упадка—низкія цѣны, платимыя компаніей за товары туземцевъ, ненависть ихъ къ компаніи и стѣснительность торговыхъ ея правилъ. Инородцы просили пороху, ружей, рому, а компанія имъ этихъ товаровъ по трудности не давала. Инородцы давно уже начали торговать съ англичанами и американцами, которые доставляли имъ упомянутые предметы и платили за мѣха больше, чѣмъ компанія. Съ 1851 г. колоши уже почти вовсе не торговали съ компаніей, а открытіе свободной торговли въ англійскомъ портѣ *Викторіи* убило окончательно торговлю компаніи съ колошами.

Товары, продаваемыя компаніей въ колоніяхъ, всегда были низкаго достоинства, а стоили между тѣмъ страшно дорого. Бывало, что компанія продавала инородцамъ топоръ за 2 морскихъ бобра, ножикъ за 1 бобра, 2 фунта папушнаго табаку за 2 бобра. А такъ какъ по тогдашней компанейской таксѣ боберъ стоилъ 30—50 рублей, то, слѣдовательно, компанія во столько же цѣнила и фунтъ табаку! Когда она торговала въ Камчаткѣ, то брала безсовѣстные барыши. Пудъ муки, напр., съ доставкой въ Камчатку обходился ей въ 10 р., а она продавала по 18; фунтъ чаю обходился въ 3 р., а продавался по 10 р.; пудъ сахару обходился въ 42 р., а продавался по 160 р.; ведро рому стоило 22 р., а компанія продавала по 80 р. и т. д. Въ послѣднее время внутренняя колониальная торговля носила тотъ же характеръ безсовѣстнаго грабежа, какъ и прежде. Покупая за безцѣнокъ у инородцевъ и русскихъ ихъ промыслы, компанія наваливала имъ свои дрянные товары по высокой цѣнѣ. «Привозные изъ Россіи сапоги для рабочихъ—говорить г. Головинъ—продаются по 10 р. за пару, а между тѣмъ они положительно никуда не годятся и ни одинъ не прослужитъ даже и мѣсяца; такимъ образомъ, одна обувь обойдется рабочему въ годъ болѣе 100 рублей. Регатовыя рубахи, продающіяся по 4 р. 50 к. и бумажныя—по 6 р., для рабочаго человѣка никуда негодны. Въмѣсто денегъ, въ колоніяхъ употреблялись особенныя марки; они введены компаніей съ тою цѣлью, чтобы жители колоній не могли торговать съ иностранцами, а поку-

пали въ три-дорога всякую дрянь изъ компанейской лавки».

Въ торговлѣ съ Сибирью и съ иностранцами компанія являлась всегда, съ одной стороны, крайне апатичною, а съ другой—жадною къ скорѣйшему обогащенію, невѣжественною и рутинною. Напр., она не могла завести прочныхъ торговыхъ сношеній съ Калифорніей, гдѣ русскіе товары могли бы найти отличный сбытъ, гдѣ, напр., до того цѣнился русскій холстъ, что англичане и американцы дѣлали на своемъ холстѣ фальшивые русскіе штемпеля и выгодно сбывали его за русскій. Компанія всегда уклонялась отъ торговли съ американцами, всячески даже препятствовала ей и поставляла тѣмъ не только свои колоніи, но и сибирскія побережья океана, въ затруднительное положеніе. Такъ, напр., въ страдавшіе недостаткомъ хлѣба Охотскъ и Камчатку американецъ Добелло предлагалъ доставлять провизію; но, по ходатайству компаніи, это предложеніе не было принято, подъ тѣмъ предлогомъ, что «американцы доставленіемъ горячихъ напитковъ неминуемо нанесутъ вредъ русской торговлѣ». Компанія взялась сама доставлять кругомъ свѣта хлѣбъ въ порты Восточнаго океана. Но это она сдѣлала только для того, чтобы удалитъ отъ торговли американцевъ; она скоро отказалась отъ своего обѣщанія, объявивъ его «неудобоисполнимымъ». Стремясь къ полной торговой монополіи на океанѣ, компанія склоняла вліятельныхъ лицъ къ изданію выгодныхъ для нея правилъ; даже либеральный адмиралъ Мордвиновъ былъ поборникомъ компанейской монополіи и дѣятельнымъ ревнителемъ ея интересовъ. Въ высочайшемъ указѣ отъ 4 сентября 1821 г. компанія получила полное удовлетвореніе своихъ желаній объ устраненіи иностранцевъ отъ торговли съ русскими побережьями Восточнаго океана. «Воспрещается симъ—гласить 2 § этого указа—всякому иностранному судну не только приставать къ берегамъ и островамъ, подвластнымъ Россіи, но и приближаться къ онымъ въ разстояніи менѣе 100 итальянскихъ миль. Нарушившій сіе запрещеніе подвергается конфискаціи со всеѣмъ грузомъ». Компанія оказывала даже стѣснительное вліяніе на торговлю европейской Россіи. Такъ, напр., въ 1802 г. запрещенъ былъ привозъ изъ-за границы морскихъ котловъ. «Это сдѣлано (говорится въ указѣ) снисходя на просьбу русско-американской компаніи, поелику чрезъ то стѣсняются промыслы ея въ Америкѣ».

Безумно стремясь къ полной промышленной и торговой монополіи на Восточномъ океанѣ, компанія осталась при однихъ только стремленіяхъ или *огромныхъ видахъ*, какъ выражался Резановъ. У нея не было ни средствъ, ни умѣнья достигнуть цѣли. Ея флотъ находился долго въ самомъ жалкомъ положеніи. Мечтая объ одномъ—какъ бы все сдѣлать подешевле, она нанимала въ шкипера и капитаны ничего не знающихъ цыганчугъ англичанъ и американцевъ. Множество судовъ гибло въ морѣ отъ ихъ неумѣнья и неосторожности. Давыдовъ въ своемъ путешествіи рассказываетъ много забавнаго о компанейскомъ флотѣ первой

четверти настоящаго столѣтія. Одно судно, вышедшее изъ Камчатки на Алеутскіе острова, зашло такъ далеко къ югу, что въ ноябрѣ стала таять смола отъ солнечнаго жара. Долго носилось оно неизвѣстно гдѣ, весь экипажъ чуть не погибъ отъ недостатка прѣсной воды. Другой мореходецъ три раза въ лѣто ходилъ съ Уналашки на Котовые острова, лежащіе въ 160 миляхъ, и никакъ не могъ отыскать ихъ. Третій при сильномъ вѣтрѣ взшелъ съ судномъ на камчатскій берегъ, такъ что рѣдкій валъ достигалъ до судна, и не зная, гдѣ онъ находится—въ Японіи или въ Америкѣ. Ну, куда же съ такими моряками, съ дурно построенными и плохо содержимыми судами было мечтать объ *огромныхъ видахъ!* И потрговала немного компанія съ Калифорніей, да и бросила; пыталась торговать съ Японіей, но когда та отказалась, то компанія начала грабить японскія поселенія. Мы, впрочемъ, нисколько не скорбимъ о томъ, что компанейская промышленная монополія не достигла тѣхъ размѣровъ, о которыхъ мечтала компанія,—этому мы даже рады. Но грустно, когда подумаешь, что компанейская монополія убивала столько времени торговлю иностранцевъ съ русскими берегами Восточнаго океана,—торговлю, которая, безъ сомнѣнія, оживила бы и обезпечила всѣмъ необходимымъ эти пустынные мѣстности.

Въ послѣднее время компанейскій флотъ, по отзыву г. Головина, находился въ хорошемъ состояніи, но торговли все-таки не было, вывозилось только немного льду, лѣсу и рыбы въ Калифорнію, нѣсколько товаровъ къ устьямъ Амура и въ Аянъ.

Главная торговля компаніи пушнымъ товаромъ; но и она была не такъ громадна, какъ можетъ показаться незнающему. Съ 1 января, напр., 1849 г. по іюль 1860 г., все упрмышленное въ колоніяхъ стоило по тамошней таксѣ 1,776,878 р. асс. Положимъ, по таксѣ цѣны втрое ниже настоящихъ, и то выйдетъ только 4 милл. р. асс. Пушные товары шли въ Сибирь, Китай, въ Россію и частію въ Америку. Нельзя сказать, чтобы эта торговля очень оживляла Сибирь. Одно только: казна пріобрѣтала отъ нея выгоды...

Такимъ образомъ, вся исторія компаніи ясно свидѣтельствуешь, что это общество приносило только одинъ вредъ народу, его торговлѣ, промышленности и благосостоянію. Компанія разорила своихъ подданныхъ, она почти вовсе истребила цѣлый алеутскій народъ, а отъ многочисленнаго нѣкогда племени курильцевъ въ 1862 г. осталось въ живыхъ только 66 человекъ обоого пола; тысячи, десятки тысячъ убитыхъ, засѣченныхъ, ограбленныхъ, заморенныхъ голодомъ, развращенныхъ ею людей погибли подъ ея безчеловѣчной системой управленія, которая была несостоятельна до того, что при всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ не могла извлекать изъ колоній надлежащихъ выгодъ даже для компаньоновъ. И, не смотря на все это, компанія продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока правительство не

продало ей земель Соединеннымъ Штатамъ, а говорить о вредѣ этой монополіи сдѣлалось возможно только въ шестидесятихъ годахъ... До этого времени русское общество даже и не подозрѣвало о томъ позорѣ, который навлекали на себя русскіе люди своими подвигами на Восточномъ океанѣ!..

ИРКУТСКІЙ ПОГРОМЪ ВЪ 1758—1760 Г. *)

Жилъ да былъ въ нашемъ благословенномъ отечествѣ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, — человекъ умный, достаточно по своему времени образованный, сынокъ генераль-аншефа, женатый на племянницѣ императрицы Елисаветы, довѣренный чиновникъ Петра III, блаженной памяти. Онъ быстро повышался на службѣ и сдѣлался генераль-прокуроромъ; по справедливому замѣчанію графа Брюля, «должность, занимаемая имъ при сенатѣ, давала ему почти всемогущество въ дѣлахъ внутренняго управленія». Злые языки, правда, говорили о немъ, что будго бы еще въ молодости онъ, вслѣдствіе короткаго знакомства съ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, совершенно испортился и «напоился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для ихъ самихъ». Но это говорила, конечно, зависть; «чѣмъ выше башня, тѣмъ длиннѣе тѣнь ея, чѣмъ выше поставленъ человекъ, тѣмъ больше у него завистниковъ», говоритъ пословица, кажется, китайская. Изъ того, что мы знаемъ о жизни Глѣбова, достаточно видно, что онъ былъ ничѣмъ не хуже другихъ хорошихъ людей XVIII вѣка, не хуже даже самого свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, о которомъ тоже зловредные люди распространили молву, что и онъ «былъ напоенъ принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для него самого».

Глѣбовъ нуждался въ большихъ средствахъ для жизни, сообразной съ его высокимъ положеніемъ. Онъ былъ большой практикъ, и потому не затруднялся въ пріобрѣтеніи средствъ, очень хорошо зная всѣ тѣ мѣста, гдѣ зимуютъ раки. Однажды, когда Петру III понадобились деньги, когда никто не могъ придумать, откуда бы взять ихъ, Глѣбовъ придумалъ и досталъ 4,000,000 р. При своемъ могуществѣ, при своей предприимчивости, онъ, конечно, не могъ довольствоваться тѣми доходами, какіе доставлялись ему его должностью, его положеніемъ, его крестьянами, и обратилъ свои дальновидные взоры туда, гдѣ —

Богатая Сибирь, склонившись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато, и серебро.

Люди предприимчивые наживали тогда въ Сибири несметныя богатства, и только тѣ, которые

*) Иркутскія Лѣтописи.—Бумаги изъ дѣла о генераль-прокурорѣ Глѣбовѣ и слѣдователѣ Крыловѣ, въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», т. I.